

ляется разложением феодального фольклора, и периода романтизма, поскольку романтизм открыл для нас народное творчество. Из произведений XVII в. остановлюсь на «Повести о Савве Грудцыне».²⁵

2

В последнее время «Повесть о Савве Грудцыне» истолковывалась главным образом как произведение «бытового реализма», как «первая попытка романа ... на русской национальной почве»,²⁶ причем преобладающее внимание уделялось миметическим — исторически-достоверно окрашенным элементам повествовательной структуры, что в крайних своих проявлениях низводило художественный анализ до бесплодных усилий подтвердить документально реальное существование литературных героев.²⁷

Вряд ли следует сомневаться в близости «Повести» к роману нового времени.²⁸ Но если рассматривать ее как такое переходное образование, которое предшествовало роману, то существенным становится вопрос, какова исходная фаза жанрового движения, в чем заключены переходные признаки «Повести».

Существовали многочисленные гипотезы насчет конкретных (преимущественно византийских) источников, с которыми генетически мог быть связан текст «Повести о Савве Грудцыне».²⁹ Миметический подход к «Повести о Савве Грудцыне» обусловил глубокий скепсис исследователей не только по отношению к отдельным предположениям об источниках текста, но и к правомерности применения в данном случае сравнительно-исторического метода как такового. Вместе с тем разрушительный скепсис не нашел (и не мог найти) исхода в создании положительной программы для изучения генезиса «Повести». Сосредоточившись на чрезвычайно преувеличенном бытовом правдоподобии этого произведения, М. О. Скрипиль был вынужден признать, что «вопрос о генезисе „Повести о Савве Грудцыне“ должен быть оставлен открытым».³⁰

Нет никакого смысла отвергать сравнительно-исторический метод при изучении «Повести»,³¹ однако вполне допустимой представляется

²⁵ Пусть не смущает, что далее в этой статье речь пойдет фактически о повестях. Принципиальных отличий между повестью и романом я не вижу, а рассмотрение более масштабных прозаических структур, нежели те, которые здесь приводятся, отняло бы слишком много места.

²⁶ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне (Тексты). — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 226. (Все дальнейшие цитаты из «Повести» приводятся по этому изданию). Такое понимание восходит к взглядам А. Н. Пыпина. См.: А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858, стр. 280. Ср. также: В. Кожинов. Происхождение романа. М., 1963, стр. 194 и след.

²⁷ См., например: Н. А. Бакланова. О датировке «Повести о Савве Грудцыне». — ТОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953. См. убедительную критику названной работы: С. В. Калачева. Еще раз о датировке «Повести о Савве Грудцыне». — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955.

²⁸ Подробнее см. ниже.

²⁹ Критический обзор этих гипотез см.: М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне. — ТОДРЛ, т. II, М.—Л., 1935; ТОДРЛ, т. III, М.—Л., 1936. (Далее Скрипиль, 1935; Скрипиль, 1936).

³⁰ Скрипиль, 1936, стр. 152.

³¹ На этом пути могут быть достигнуты убедительные успехи. Бесспорна, например, установленная нашим литературоведением тематическая общность (продажа души дьяволу) между так называемой «Повестью об Еладии» и «Повестью о Савве». См. об этом: Д. С. Лихачев. Семнадцатый век в русской литературе. — В сб.: